

Влияние развода на суицидологические, наркологические и личностно-психологические показатели бывших жен мужчин, страдающих алкогольной зависимостью

МЕРИНОВ А.В. доцент кафедры психиатрии
Рязанского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова

ШУСТОВ Д.И. профессор, зав. кафедрой психиатрии
Рязанского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова;
ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова»
Министерства здравоохранения и социального развития РФ.
390026, Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9.
Тел.: (4912) 46-08-01, 98-40-67. Факс: (4912) 46-08-08. E-mail: rzgmu@rzgmu.ru

Рассмотрено влияние развода и постразводного состояния на суицидологические и личностно-психологические характеристики жен мужчин, страдающих алкогольной зависимостью (МСАЗ). Обнаружено, что бывшие жены МСАЗ имеют высокие показатели аутоагрессивной активности спустя значительный период времени после супружеской сепарации. То есть факт распада семьи и устранения патологического действия мужа не является фактором, полностью устраняющим имеющиеся в браке саморазрушающие паттерны поведения и личностно-созависимые типы реагирования. Изучены как суицидальная, так и несуйцидальная составляющие аутоагрессивного поведения у бывших жен МСАЗ. Ключевые слова: развод, алкогольная зависимость, жены мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, аутоагрессия

Введение

Известно, что в нашей стране отмечается стабильно высокий уровень разводов [1, 4]. Алкогольной зависимости мужа как причине развода по-прежнему принадлежит одна из главных ролей [4, 6]. Процент разведенных женщин, назвавших причиной развода алкогольную зависимость мужа, остается стабильно высоким [2, 4].

Существует укоренившееся мнение, что проблемы жен в браках с МСАЗ, носят «реактивный» характер (т.е. созависимая реакция вторично вызывается воздействием мужа, имеющего алкогольные проблемы). Имеются данные, говорящие в пользу того, что для бывших жен МСАЗ развод является фактором, приводящим к улучшению ее общего соматического состояния, стабилизации психологических нарушений, сформированных в результате созависимой реакции, которые основываются в основном на фокусных клинических наблюдениях [3, 7]. Этот факт на житейско-бытовом уровне является для многих неспециалистов априори саморазумеющимся. К сожалению, в известной нам литературе мало исследований, подтверждающих это фактически. Тем более, нет работ, прямо затрагивающих послеразводные суицидологические и иные аутоагрессивные характеристики в этой группе (которые должны бы соответствовать формуле послеразводного «общего улучшения»). Так ли это на самом де-

ле, на этот вопрос призвано ответить данное исследование.

Цель предлагаемой работы — изучение влияния постразводного состояния на уровень и спектр аутоагрессивных показателей убывших жен мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, а также исследование их личностно-психологических особенностей в сравнении с женами из существующих «алкогольных» браков. Согласно поставленной цели, основной задачей исследования стала оценка степени влияния состояния разведенности на суицидологические и личностно-психологические показатели бывших жен мужчин, страдающих алкогольной зависимостью.

Объект и методы исследования

Для получения ответа на поставленные вопросы были обследованы 31 бывшая жена МСАЗ, и 125 жен МСАЗ, состоящих в браке. Возраст в первой группе составил $40,2 \pm 5,4$ года, во второй — $40,5 \pm 4,7$ года. Срок семейной жизни составил $12,1 \pm 5,6$ года и $16,5 \pm 5,3$ года соответственно. Длительность послеразводного периода в первой группе — $8,8 \pm 3,6$ года, все респондентки на момент обследования в повторном браке не состояли. В качестве второй контрольной группы обследованы 62 женщины, состоящие в браке с мужчиной, не страдающим алкогольной зависимостью. Возраст респонденток со-

ставил $42,3 \pm 5,2$ года, срок семейной жизни — $20,2 \pm 5,1$ года. Обследованные группы сопоставимы по социально-демографическим показателям.

В качестве диагностического инструмента использовались: опросник для выявления аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем [9], в котором оценивалось наличие признака в анамнезе вообще, а также в такие временные отрезки, как последние 2 года, добрачный, брачный и послеразводный периоды. Сравнения между группами для характеристики послеразводной динамики изучаемых показателей проводилось с использованием периода «два последних года», поскольку для бывших жен МСАЗ во всех имеющихся у нас наблюдениях этот отрезок приходился на послеразводное состояние.

Для оценки личностно-психологических показателей в группах использована батарея тестов, содержащая тест преобладающих механизмов психологических защит (LSI) Плутчека—Келлермана—Конте, опросник State-Trait Anger Inventory (STAXI), а также тест Mini-Mult. Все тесты адаптированы для использования в нашей стране.

Статистический анализ и обработку данных проводили параметрическими и непараметрическими методами математической статистики на базе компьютерной программы Microsoft Excel 2007 (с использованием критериев Стьюдента и Вилкоксона). Выборочные дескриптивные статистики в работе представлены в виде $M \pm m$ (средней $\pm$ стандартное квадратичное отклонение).

Результаты

Рассмотрим характеристику суицидологических показателей бывших жен МСАЗ в сравнении с женами из действующих семей МСАЗ, представленную в табл. 1.

Показатели суицидальной активности (суицидальные мысли и суицидальные попытки) за период брака,

а также совокупные данные за весь анамнестический период достоверно не различаются в группах бывших жен МСАЗ и жен МСАЗ, сохраняющих брачные отношения. То есть, в целом, БЖА в отношении рассматриваемых признаков являются достаточно типичным срезом популяции жен МСАЗ вообще.

За послеразводный период (всю его длительность) показатели суицидальной активности незначительно отличаются от аналогичных в браке. Тем не менее, отметим обнаруженную тенденцию у бывших жен МСАЗ к снижению суицидальной активности в последние 2 года (что во всех наблюдениях пришлось на последние 2 года постразводного периода). Характерно, что наиболее нагруженным периодом в отношении суицидальной активности, женщины, имеющие таковую, называли первые три года после фактического развода с МСАЗ.

Таким образом, количество суицидальных попыток у разведенных женщин после расторжения брака и сепарации с мужем ниже, чем у женщин, проживающих в браке с МСАЗ. Отмечается снижение их количества с увеличением срока, прошедшего после развода, что подтверждают показатели за очерченный (последний двухгодичный) период жизни. Ту же самую тенденцию мы можем отметить и в отношении суицидальных мыслей. В этом контексте нелишне вспомнить и одну из особенностей российского постразводного периода, заключающуюся в том, что супруги часто длительно продолжают жить вместе после фактического развода [5], что, безусловно, фактически существенно не изменяет сложившуюся систему «алкогольного» брака.

Охарактеризуем послеразводную суицидальную активность. У трех респонденток в период после развода отмечались суицидальные попытки (9,68%), у одной — повторная. Два парасуицида возникли в период года после развода, у одной респондентки — спустя 5 лет. Всем парасуицидам предшествовал бо-

Таблица 1

Показатели суицидальной аутоагрессии разведенных жен МСАЗ и жен МСАЗ, состоящих в браке (статистически достоверные различия между рассматриваемыми признаками отсутствуют)

Признак	Бывшие жены мужчин, страдающих алкогольной зависимостью (n=31)	Жены мужчин, страдающих алкогольной зависимостью (n=125)
Суицидальная попытка в анамнезе вообще	22,58%	16,0%
Суицидальная попытка в период брака	16,13%	14,4%
Суицидальная попытка в последние 2 года	3,23%	7,2%
Суицидальная попытка в послеразводный период вообще	9,68%	—
Суицидальные мысли в анамнезе вообще	22,58%	26,4%
Суицидальные мысли в период брака	16,13%	22,4%
Суицидальные мысли в последние 2 года	6,45%	19,2%
Суицидальные мысли в послеразводный период вообще	19,35%	—

лее или менее длительный период депрессии. Несмотря на то, что две из трех женщин, пытавшихся покончить с собой, сами имели, с их слов, «проблемы с алкоголем», появившиеся или усилившиеся после развода, на момент парасуицида у всех трех алкогольное опьянение отсутствовало. Все три парасуицида были осуществлены путем попытки отравления.

Отметим также и то, что по признакам, отвечающим за детекцию несуйцидальных форм саморазрушения и предикторов аутоагрессивного поведения, рассматриваемые группы имеют минимум различий. Это касается лишь таких признаков, достоверно отличающих женщин из распавшихся и действующих семей МСАЭ, как: частота моментов острого одиночества в первой группе (70,97 и 45,6% соответственно; $p < 0,05$) и злоупотребление алкоголем в последние 2 года (38,71 и 15,2% соответственно; $p < 0,05$). Оба феномена бывших жен МСАЭ связывают с воздействием факта разведенности и фактического одиночества.

В серии сравнения бывших жен МСАЭ с женами из семей, где муж не страдает алкогольной зависимостью, за период всего анамнеза в отношении паттернов аутоагрессивного поведения и его предикторов нами обнаружен спектр достоверных различий, аналогичный таковому для жен МСАЭ, состоящих в браке. Однако данный факт лишь подтверждает бывшую общность женских групп (разведенных и состоящих в браке жен МСАЭ). Поэтому акцент в данной серии сравнения был сделан на показателях за последние 2 года, поскольку они способны отразить имеющуюся динамику аутоагрессивных паттернов и их предикторов в группе бывших жен МСАЭ после развода. Обнаруженные достоверные различия между группами представлены в табл. 2.

Как хорошо видно из представленной таблицы, между группами имеется значительное количество различий, отражающих высокий антивитаальный фон в группе бывших жен МСАЭ, сохраняющийся спустя значительное время после развода. Заметим, что имеющиеся различия затрагивают крайне важные для суцидологии показатели.

Таблица 2

Достоверные различия в показателях суицидальной и несуйцидальной аутоагрессии и предикторов саморазрушающего поведения между группой бывших жен МСАЭ и жен из семей, где муж не имел алкогольной зависимости (приведены пары сравнения с $p < 0,05$)

Признак	Бывшие жены мужчин, страдающих алкогольной зависимостью (n=31)	Жены мужчин, не страдающих алкогольной зависимостью (n=62)
Суицидальные мысли в последние 2 года	6,45%	0%
Склонность к долго переживаемому чувству стыда в последние 2 года	35,48%	8,06%
Периоды острого одиночества в последние 2 года	51,61%	6,45%
Периоды депрессии в последние 2 года	51,61%	29,03%
Моменты безысходности в последние 2 года	45,16%	14,52%
Долго переживаемое чувство вины в последние 2 года	22,58%	8,06%
Склонность к неоправданному риску в последние 2 года	16,13%	3,23%
Ощущение отсутствия смысла жизни в последние 2 года	16,13%	0%
Навязчивые угрызения совести в последние 2 года	41,94%	17,74%

Таблица 3

Отличительные признаки личностно-созависимого и экспериментально-психологического характера между группами бывших жен МСАЭ и жен из действующих браков МСАЭ (приведены пары сравнения с $p < 0,05$)

Признак	Разведенные жены мужчин, страдающих алкогольной зависимостью (n=31)	Жены мужчин, страдающих алкогольной зависимостью (n=125)
Реальная оценка вклада супруга в семейную нестабильность (отсутствие созависимого эффекта присваивания чужой вины и ответственности за другого человека)	70,97%	48,0%
Понимание пагубности проживания в браке с мужчиной, страдающим алкогольной зависимостью	83,87%	56,8%
Рассказываю/ла легко про внутрисемейные проблемы	61,29%	30,4%
Создавала видимость счастливой семьи	35,48%	64,0%
Шкала Mini-Mult Sch (8)	10,6±5,1	14,2±3,4

Перейдем к характеристике личностно-созависимых и экспериментально-психологических особенностей бывших жен МСАЗ в сравнении с супругами из действующих браков МСАЗ. Имеющиеся различия представлены в табл. 3.

Прежде всего, обращает на себя внимание большая реалистичность в оценке роли супруга в генезе имевшихся в браке проблем, а также понимание негативных последствий существования в подобных отношениях, характеризующее бывших жен МСАЗ, что, вероятно, послужило возможным катализатором развода. То же касается и меньшей частоты выявления такого феномена созависимого поведения, как синдрома «счастливой семьи» [8].

Обращает на себя внимание низкий уровень шкалы Sch (8) у бывших жен МСАЗ по тесту Mini-Mult, говорящий о большей склонности испытуемых к экстраверсии, отсутствию у них эмоциональной отчужденности в межличностных отношениях и склонности искать причину происходящего только «в себе», без использования объективной обратной связи.

Обсуждение

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о некотором снижении аутоагрессивного потенциала группы бывших жен МСАЗ (это касается суицидальных типов реагирования), однако группа в «неостром» послеразводном периоде сохраняет, тем не менее, значительное количество актуальных аутодеструктивных предикторов. Особо обращает на себя внимание частота злоупотребления алкоголем в группе на фоне депрессивных переживаний и ощущения одиночества, что является благоприятной почвой для аутодеструктивных актов.

Результаты исследования позволяют нам условно расположить изучаемую группу в средней части континуума, отражающего общее количество суицидальных и несуйцидальных аутоагрессивных паттернов и предикторов саморазрушающего поведения (по убывающей): жены МСАЗ — бывшие жены МСАЗ — жены мужчин, не страдающих алкогольной зависимостью. Тем не менее, с учетом минимальных достоверных различий бывших жен МСАЗ от супругов МСАЗ из действующих браков можно утверждать, что по суицидальным и несуйцидальным аутоагрессивным показателям в этом континууме бывшие жены МСАЗ значительно ближе к женам из действующих браков МСАЗ, нежели к женщинам из референтной контрольной группы. Иными словами, после развода у бывших жен МСАЗ отмечается тенденция к снижению суицидологических показателей, однако далеко не достигающая нормативных в этой возрастной категории, даже после нескольких лет жизни вне брака с МСАЗ (т.е. после исключения воздействия традици-

онного экзогенного фактора в виде самого МСАЗ и генерируемой им внутрисемейной атмосферы!).

В заключение хотелось бы отметить еще один момент, позволяющий более дифференцированно взглянуть на последствия для женщин развода по алкогольной и параалкогольной причинам. Речь идет о факторе длительности брачных отношений. В своей работе мы рассматриваем семьи МСАЗ, распавшиеся после достаточно длительного периода брачной жизни и, следовательно, в результате сформировавшихся за это время системных семейных особенностей, характерных для этих этого типа браков и описанных нами выше. Как отмечает ряд исследователей [3, 10], данные патологические отношения (назовем их по традиции созависимыми) в полной мере формируются после не менее двух лет совместной жизни с аддиктом [6]. Все исследованные нами пациентки имели срок семейной жизни более двух лет — $12,1 \pm 5,6$ года, т.е., по определению, были созависимыми. Однако согласно возрастной статистике разводимости в нашей стране [4], многие браки распадаются сроком до двух лет совместной жизни, но и в этих случаях процент разводов по причине алкогольной зависимости мужа достаточно велик. То есть многие женщины, попав в условия брака с МСАЗ, не формируют полноценной созависимой реакции и, соответственно, достаточно быстро расторгают брачные отношения. Данные браки часто распадаются потому, что супруга изначально не имеет созависимой predisпозиции и не способна соответствовать «роли» классической созависимой жены (т.е. присутствует эгодистоничная реакция на продуцируемую мужем ситуацию). Это согласуется с мнением ряда исследователей о добрачном происхождении созависимой реакции [8, 11]. Вероятно, это совсем другая группа бывших жен МСАЗ с позиций суицидологической практики, что требует дальнейшего изучения.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что после развода у бывших жен МСАЗ появляются определенные позитивные сдвиги в отношении снижения уровня аутодеструкции, однако развод не является тем нормализующим фактором, который полностью освобождал бы женщин от саморазрушающих форм поведения, тем самым выводя их за рамки интереса суицидологической службы. Развод, к сожалению, не является некоей провитальной панацеей для этой группы женщин.

Аутоагрессивный потенциал группы остается высоким и факт бывшего супружества с МСАЗ является диагностически значимым признаком для суицидологической практики.

Список литературы

1. Авдеев А.А. Браки и разводы в России // Гендерная экспертиза и законодательная политика / В 2-х т., Т. 1 / Ред.-сост. Е.В. Изотова, Е.В. Кочкина, Е.В. Машкова. — М.: Аванти-плюс, 2004. — С. 204—221.
2. Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко. — М.: Ин-т социологии РАН, 2006. — 223 с.
3. Битти М. Алкоголик в семье, или Преодоление созависимости / Пер. с англ. — М.: Физкультура и спорт, 1997. — 331 с.
4. Демографический ежегодник России. 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009. — 557 с.
5. Закирова В.М. Развод и насилие в семье — феномены семейного неблагополучия // Социологические исследования. — 2002. — №12. — С. 131—134.
6. Кошкина Е.А. и соавт. Последствия потребления алкоголя для женщин, подростков, детей и семьи / Алкоголь и здоро-

вье населения России 1900—2000. — М.: Российская Ассоциация общественного здоровья, 1998. — С. 233—248.

7. Москаленко В.Д., Гунько А.А. Жены больных алкоголизмом: опыт изучения психопатологии // Журн. невроп. и психиатр. — 1994. — Т. 94. — Вып. 1. — С. 51—54.

8. Уайнхолд Б., Уайнхолд Д. Освобождение от созависимости / Пер. с англ. — М.: Класс, 2008. — 233 с.

9. Шустов Д.И., Меринов А.В. Диагностика аутоагрессивного поведения при алкоголизме методом терапевтического интервью. Пособие для врачей психиатров-наркологов и психотерапевтов. — М., 2000. — 20 с.

10. Schaeff A.W. Codependence: Misunderstood-Mistreated. — Perennial library: Harper and Row Publ. — San-Francisco ect., 1986. — 105 p.

11. Ziter M.Z.P. Treating alcoholic families: The resolution of boundary ambiguity // Alcohol. Treat. Quart. — 1989. — Vol. 5, №3—4. — P. 221—233.

**THE INFLUENCE OF DIVORCE ON SUICIDAL,
NARCOLOGICAL PERSONAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF EX-WIVES OF MEN SUFFERING FROM ALCOHOL DEPENDENCE**

MERINOV A.V., SHUSTOV D.I.

In the article the influence of divorce and post-divorce state on suicidal and personal-psychological characteristics of wives whose husbands suffer from alcohol dependence has been studied. It has been found out that ex-wives of alcohol dependent men have high indexes of autoaggressive activity after a long period of time after matrimonial separation. In other words, the fact of family disruption and elimination of husband's «pathological» influence is not the factor which completely removes self-destructive patters of behaviour and personal co-dependant types of reaction which existed in the family. Both suicidal and non-suicidal components of autoaggressivebehaviour in ex-wives of men suffering from alcohol dependence have been studied.

Key words: divorce, alcohol dependence, wives of men suffering from alcohol dependence, autoagression